

ДЕИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИЯ И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ВЛАСТИ КАК ФАКТОРЫ ДЕЛИГИТИМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВА

Преступность стремится к самовоспроизводству, воздействуя на базовые государственные институты. Криминализация в середине девяностых годов предстает как процесс слияния преступного мира и государственных институтов, неспособность государства в лице его институтов выполнять свои функциональные обязанности. «Срачивание главарей и активных участников организованных преступных формирований с представителями законодательной, исполнительной и судебной ветвей власти, бизнеса, коммерции, средств массовой информации и культуры; неспособность государства защитить ряд основных конституционных прав и интересов граждан и общества; культивирование идей рынка и частной собственности без надлежащего правового обеспечения, неоправданная затяжка принятия основополагающих законов, обеспечивающих нормальный переход к рынку, в первую очередь, по борьбе с организованной преступностью и коррупцией; обнищание и правовой нигилизм большинства населения страны; лоббирование интересов отдельных групп ответственными должностными лицами в узкокорыстных целях» — так российские ученые характеризуют процесс криминализации общества [1].

В. В. Волков справедливо заметил, что зрелость, сила государственных институтов может пониматься и в абсолютном (как сила принуждения), и в относительном (т.е. процедурном) смысле. Второе означает также «четкость институциональных границ государства» и, соответственно, четкость разграничения между государством как специфическим институтом и тем, что находится вне его границ. Следовательно, и слабость государства понимается как «дефицит полицейско-административной мощи и как нарушение институциональных границ и процедур. Первое выражается в разгуле преступности и бандитизма, второе — в разрастании коррупции» [2].

Проникновение преступности во власть, присвоение ею функций государства создает реальные угрозы национальной безопасности. Государственные институты вследствие криминализации утрачивают доверие народа, а значит — свою легитимность. Утрату легитимности мы рассматриваем как один из важных признаков деинституционализации власти.

Вопросы легитимности власти поднимаются в работах многих ученых. Так, А. Б. Турсункулов в своем диссертационном исследовании пишет о том, что легитимность публично-правовых институтов является фактором обеспечения стабильности и интеграции социального целого. Особое значение этого фактора возрастает в периоды институциональных трансформаций. Поэтому социальная стабильность и взаимосогласованность обеспечиваются именно легитимными институтами государственной власти. Постсоветское пространство изобилует

системными и институциональными кризисами, которые влияют на снижение уровня легитимности публично-правовых институтов» [3].

Известный российский криминолог П. А. Кабанов, признанный специалист в сфере политической преступности и один из основателей российской политической криминологии, в своих работах рассматривает кризис власти в контексте разнообразных форм злоупотребления властью в политических целях. Автор вводит в научный оборот такие характеристики действующей власти, как «криминальное политическое мошенничество», «злоупотребление властью для достижения политических целей». Названные явления П. А. Кабанов рассматривает на примерах конкретных разновидностей преступлений, распространенных среди политической властной элиты. Один из основных выводов автора заключается в том, что нынешняя политическая власть так устроена, что осуществляет свою деятельность вопреки интересам общества, но в целях удовлетворения интересов отдельных социальных групп. Власть стремится к самосохранению, воспроизводит себя с помощью криминальных форм политического поведения [4]. Исходя из исследования П. А. Кабанова, можно сделать заключение, что нелегитимность власти порождается нелегитимностью методов, с помощью которых эта власть пытается сохранить себя и своё влияние в обществе.

Деинституционализацию, характерную для периода транзycji, украинские социологи Н. В. Панина и Е. И. Головаха определили как «процесс разрушения институциональных образований, изменение социальных правил и явно выраженное (или скрытое, латентное) неприятие институциональных требований к социальному поведению» [5]. Связывая процессы радикальных социальных изменений (в том числе и постсоветскую трансформацию общества) с процессами деинституционализации и становления новых социальных институтов, Н. В. Панина и Е. И. Головаха подчеркивают, что «разрушение институциональных основ социальной жизни в каком-либо из данных секторов является предпосылкой возникновения социального кризиса, угрожающего существованию данного общества — его способности обеспечивать жизненно важные социальные потребности. Трудно назвать хотя бы один социальный институт, который бы полностью или частично не разрушился в результате постсоветских преобразований. В такой ситуации неизбежно возникает угроза полной дестабилизации социальной жизни, тотальной дезинтеграции и социального хаоса, поскольку институциональные основы правопорядка были разрушены практически до основания» [5].

Особенно тревожным следует признать криминализацию органов, отвечающих за обеспечение правопорядка в стране. Правопорядок выступает важнейшим социальным институтом и характеризует упорядоченное правовое состояние общественной жизни и обычно связывается с такими его свойствами как урегулированность, организованность, стабильность, безопасность и т.п. Правопорядок во всех странах обеспечивается принудительной силой государства посредством создания особых институтов: правоохранительных органов (прокуратуры, милиции, службы безопасности и др.), а также системы правосудия [6].

Стабильности правопорядка способствуют иные государственные и общественные институты, также нормы морали. Деятельность по охране правопорядка в цивилизованном обществе признается обществом необходимой, важной, престижной, почетной. В обеспечении правопорядка заняты сотни тысяч людей, которые по своим моральным, образовательным, профессиональным качествам в идеале должны соответствовать представлению о высоко нравственной личности. К сожалению, в нашей стране положение в сфере обеспечения правопорядка выглядит несколько иначе.

В настоящее время сложилась парадоксальная ситуация: произошла фактическая деинституционализация органов правопорядка и судебной системы, обусловленная масштабной коррупцией и «крышеванием» криминальных структур, которая в свою очередь способствовала криминализации общества и расширенному воспроизводству преступности. Известно, что рост преступности послужил причиной увеличения материальных и кадровых ресурсов институтов обеспечения правопорядка, что, однако, никаким образом не отразилось на состоянии защищенности общества от преступных проявлений. Справедливо название одной из книг Нильса Кристи — «Борьба с преступностью как индустрия». Изменение количественных параметров судебных и правоохранительных органов не способствует снижению уровня криминализации общества. Высокий уровень коррупции и вовлеченности судей и сотрудников правоохранительных органов в криминализованную экономику, прямая или косвенная поддержка неправовых и в том числе криминальных практик не только существенно снижают авторитет и эффективность институтов правопорядка, но фактически способствуют разрушению институциональных основ государства.

Аналогичного мнения придерживается профессор А. И. Долгова, которая пишет о России 90-х годов следующее: «Нарастали процессы криминализации государственного и в том числе правоохранительного аппарата, системы правосудия. Это происходило в условиях постоянных реорганизаций, неуверенности сотрудников в своем будущем, высокой текучести кадров, низкого и нерегулярно выплачиваемого содержания, необходимости для многих поиска дополнительных заработков, целенаправленного внедрения своих ставленников лидерами преступных формирований» [7].

Постепенная деинституционализация власти и утрата государственными институтами доверия своих граждан обусловлена проникновением криминалитета в бизнес, а криминального бизнеса — во власть.

А. П. Закалюк совершенно верно говорил о том, что в Украине не состоялось главного — отделения бизнеса от власти. «Бизнес, собственность остались преимущественно зависимыми от режима власти, отдельных должностных лиц, влияние которых возрастала пропорционально повышению их положению в государственно-бюрократической иерархии. Признаки этой «системы»: высокий уровень коррупции, нередко легализованной, сплетение коммерческих интересов властных и бизнес-структур. Интегрированным следствием этого процесса стало торможение становления цивилизованных рыночных отношений, повышения благосостояния населения... Симбиоз власти и сверхкруп-

ного капитала в Украине стал главным препятствием на пути нормальной приватизации, перехода к рыночным отношениям, главной причиной резкого обнищания государства и населения» [8].

Б. В. Волженкин и В. В. Колесников пишут об этом же: «Власть конвертируется в собственность, а собственность — во власть. Поскольку легитимность происхождения многих капиталов крайне низкая, а часто за ними стоит и вовсе криминал, то процессы названной конвертации в определенной части означают не что иное, как инфильтрацию преступности во власть, ее структуры, в политический истеблишмент, а также отмывание криминальных капиталов и придание им статуса законных. Совокупность таких дисфункциональных процессов в политической системе и экономике, приводящих к ограничениям демократии и свободы, вызывает появление сильного криминального и криминогенного фона: вначале возникает некое хаотичное броуновое движение, которое постепенно приобретает большую упорядоченность и, наконец, превращается из вихревого потока в смерч, сметающий на своем пути любые формы правовых отношений в политической и экономической сферах» [9].

Аналогичная ситуация наблюдается и в большинстве других стран бывшего СССР. Анализируя ситуацию в России в конце 90-х годов, Р. В. Рывкина пишет, что «государство как хозяйствующий субъект сильнее всего ослабило государство как политический институт». Проще говоря, если государственные чиновники входят в состав криминального бизнеса, берут взятки и работают «на себя», то государство не может выполнять свою управленческую функцию, не может рассчитывать на то, что его решения будут выполняться. Сращивание бизнеса и политики говорит о том, что государство как аппарат власти и управления, направленный против преступности, себя элиминирует. На его месте возникает новый тип власти и управления — криминальное государство. В свою очередь, эти дисфункции государства деформировали социальную структуру общества, придали ей криминогенный характер [10].

Остро по этой проблеме высказался профессор О. М. Литвак, который в предисловии к своей книге «Государственное воздействие на преступность» пишет: «В предлагаемой монографии рассматриваются признаки государства-преступника, которые появляются вследствие перерождения государственной власти в свою противоположность. ...Криминализированным государство становится в процессе дальнейшего перерождения авторитарного режима, преобразования его в орудие неограниченной власти диктатора-палача...» [11].

Именно разложение этатических систем и структур середины XX в., по мнению К. Л. Майданика, усилило процессы криминализации/коррупции в мировом масштабе, а в ряде регионов придало им обуславливающий и даже системообразующий характер. Эту ситуацию и отражают формулы о «клетократии как последней фазе доминирующего этатизма (этакратии)» — или как о «естественной основе общественных отношений в переходный (к рынку, глобализации, постиндустриализму) период». Или даже как о «базисной структуре новой устойчивой системы общественных отношений» [12].

Как подчеркивает М. Шабанова, произошла определенная «институциона-

лизация неправовой свободы». Возросшая самостоятельность социальных субъектов в условиях дефицита правовых установлений и правового нигилизма имеет следствием расширение поля произвола и беззакония в различных сферах жизнедеятельности общества, включая и все уровни иерархии власти. Речь идет о превращении противоправных практик «в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему общественных отношений (экономических и неэкономических), становится нормой (привычными образцами) поведения больших групп индивидов и постепенно интернализируется ими» [13].

Как показывает судебная практика, представители криминального мира распределены по всей вертикали социальной иерархии — от элиты до социального дна [14]. П. Л. Скобликов, изучавший имущественные споры и участие в них в качестве «арбитров» криминалитета, констатирует, что кризисное состояние общества и государства «переходного типа» вызвано «переливом» власти, финансов, материальных ресурсов, а также кадрового потенциала из легального сектора в нелегальный (полулегальный) с явным криминальным оттенком. Давление государственной машины резко ослабло. Однако оно многократно компенсировано гнетом организованных и неорганизованных уголовников, действующих вкупе с коррумпированной частью чиновничества и правоохранительных структур. Законопослушное население подвергается невиданной ранее экспансии со стороны преступного мира. Торжествует власть силы, кулака, нормы права беззастенчиво попираются [15].

О криминализации сферы управления предпринимательской деятельностью пишет Н. В. Кочубей: «На уровне предприятия, особенно государственного, пусть даже и находящегося в стадии разгосударствления, нормативно-правовая неразбериха приводит к криминализации деятельности руководителей, использованию ими служебного положения не в интересах коллектива, а в своих собственных. Освободившиеся трудовые и материальные ресурсы, а также информация, которой обладали руководители предприятий и государственные чиновники, привели к возникновению так называемой «экономики физических лиц». Это опасное состояние, выходом из которого может быть либо образование горизонтальных структур, гласно или негласно объединяющих руководителей предприятий, криминальных авторитетов, местных и столичных представителей администрации, то есть мафизация экономики, скатывание на криминально-теневую аттрактор. Либо создание эффективных легальных вертикально ориентированных финансово- или торгово-промышленных групп и объединений» [16].

Произошедшая смена социально-экономических отношений сопровождалась активным вмешательством криминальных структур в политический процесс и эволюционированием их во влиятельную политическую систему [17]. Большинство «новых богатых» является агентами не просто криминала, а криминализованного хаоса, поскольку их капиталы имеют не только криминальное, но и паразитическое происхождение, расходуются «на ветер» десятками разных способов, сфера криминализованного хаоса увеличивается за счет размножения «де-

лением», по известной формуле «нужно делиться», обосновывающей подкуп чиновников, милиции, судей, ведущий к краху систем управления [18].

Реальный уровень преступности среди руководителей всех уровней власти и управления неизвестен, однако на основании сопоставления различных социологических и криминологических исследований можно сделать вывод, что криминальность власти стала её самостоятельным свойством, а во многих случаях и функциональным признаком. «Коэффициент поражаемости реальной преступностью элитарных групп (как отношение преступников из этих групп к общему числу лиц данных групп) не ниже (или не намного ниже), чем самых низших слоев населения. Преступность власти, богатства и интеллекта почти не попадает в орбиту деятельности правоохранительных органов, хотя именно в этой сфере причиняется колоссальный материальный, физический и моральный вред, рушится вера в демократию, проводимые экономические и политические реформы, подрывается доверие к власти и государству. Сложилась ситуация, которая давно описана в литературе: если ты украл булку хлеба — пойдешь в тюрьму, а если — железную дорогу, будешь сенатором. И так было всегда» — с горькой иронией пишет В. В. Лунеев [19].

Паразитируя на органах государственной власти, в частности, на правоохранительных и судебных органах, преступные круги постепенно парализуют их деятельность. В своих действиях криминальные структуры используют последние достижения науки и техники, в частности, правовой и экономической, компьютерные системы и новые информационные технологии в сфере кредитно-финансовых отношений, хозяйственного управления, экономико-математическое моделирование и прогнозирование. Происходит процесс интеллектуализации организованной преступности [20].

На специфику власти во все возрастающем объеме начинает действовать тот фактор, что она начинает функционировать как особый случай детерминирования преступностью социальной системы. Не без оснований утверждается, что организованная преступность, в ее наиболее широком значении, эволюционировала от существенного криминологического фактора, усиливающего социальную напряженность в обществе к относительно самостоятельной социально-политической системе, пытающейся диктовать многие направления государственной политики [17].

Рассмотренные выше тенденции поражения преступностью высших эшелонов власти выдвигают перед обществом новые задачи по созданию системы противодействия этим опасным тенденциям. Борьба с преступностью заведомо обречена на неудачу, если те, кто должен её осуществлять, участвуют в преступной деятельности. Создание «специализированных» исправительных учреждений для сотрудников правоохранительных органов и чиновников высокого уровня преследует не только пенитенциарные цели, но и подчеркивает тот факт, что в обществе сформировался особый социальный слой криминалитета, который и в местах лишения свободы пользуется определенными преимуществами. Снижение остроты данной проблемы связано не только с равенством в правах, но и с равенством ответственности всех лиц, независимо от социально-правового стату-

са. Возвращение доверия народа к органам власти и управления, судебным и правоохранительным органам является основой легитимности их функционирования и условием обеспечения устойчивого правопорядка в стране.

Литература

1. Криминология : учеб. для вузов / под ред. А. И. Долговой. — М. : Инфра-М-Порма, 1997. — С. 611–612.
2. Волков В. В. Политэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 53.
3. Туреункулов А. В. Национально-культурная легитимация и легализация институтов российской государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 23.00.02 / А. В. Туреункулов. — Ростов н/Д, 2006. — С. 18.
4. Кабанов П. А. Политическая преступность: понятие, виды, причины, личность политического преступника, меры противодействия (криминологическое исследование) / П. А. Кабанов. — Казань : ЗАО «Новое знание», 2006. — С. 168–169.
5. Головаха Е. Постсоветская деинституционализация и становление новых социальных институтов в украинском обществе. Доклад, представленный на международной конференции «Социальная динамика постсоветского общества: Украина в сравнительной перспективе», состоявшейся в Институте социологии НАН Украины (Киев) 27–30 сентября 2001 года / Е. Головаха, П. Папина // Социология: теория, методы, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 6.
6. Крижанівський А. Ф. Правовий порядок в Україні: витоки, концептуальні засади, інфраструктура : монографія / А. Ф. Крижанівський. — Одеса : Фенікс, 2009. — 504 с.
7. Долгова А. И. Преступность, ее организованность и криминальное общество / А. И. Долгова. М. : Рос. криминол. ассоц. 2003. С. 402.
8. Закалюк А. П. Курс сучасної української криминології: теорія і практика. Кн. 2. Криминологічна характеристика та запобігання вчиненню окремих видів злочинів / А. П. Закалюк. — К. : Ін Юре, 2007. — С. 123.
9. Волженкин В. В. Экономическая преступность и политическая коррупция / В. В. Волженкин, В. В. Колесников // Политический режим и преступность / под ред. В. Н. Бурлакова, Ю. Н. Волкова, В. П. Сальникова. СПб., 2001. С. 283–284.
10. Рывкина Р. В. Социальные корни криминализации российского общества // Социологические исследования. — 1997. — № 4. — С. 80.
11. Литвак О. М. Державний вплив на злочинність. Кримінально-правове дослідження / О. М. Литвак. К. : ЮрІнком Інтер, 2000. С. 5.
12. Майданик К.Л. От уголовной статьи к глобальной проблеме [Электронный ресурс] / К. Л. Майданик ; Междунар. евразийский ин-т экономических и политических исследований. — Режим доступа : http://www.iicas.org/articles/library/libr_rus_15_4_00_1tc.htm.
13. Шабанова М. «Неправовая свобода» и социальная адаптация // Свободная мысль. — 1999. — № 11. С. 54–55.
14. Заславская Т. И. Структура российского общества через призму трансформационного процесса // Мониторинг общественного мнения. — 2002. — № 4. — С. 7–19.
15. Скобликов П. Л. Имущественные споры и криминал в современной России / П. Л. Скобликов. — М. : Дело, 2001. — С. 30–31.
16. Клейнер Г. Б. Предприятие в нестабильной экономической среде: риски, стратегии, безопасность / Г. Б. Клейнер, В. Л. Тамбовцев, Р. М. Качалов. М. : Экономика, 1997. 288 с.; Цит. по: Кочубей П. В. Самоорганизация предпринимательства и криминала в социально-экономических системах // Практична філософія. — 2003. — № 1. — С. 148.
17. Макиенко А. Криминалитет и власть в стране [Электронный ресурс] / А. Макиенко. — Режим доступа : <http://www.rustrana.ru/article.php?nid=1289>
18. Холмогоров Е. Хаос и криминал против цивилизации [Электронный ресурс] // Спецназ России. — 2001. — № 06 (57), июль. — Режим доступа : <http://www.archipelag.ru/geoeconomics/global/challenge/chaos/?version=forprint>
19. Лунеев В. В. Организованная преступность, уголовный терроризм в условиях глобализации // Социологические исследования. — 2002. — № 5. — С. 60–67.
20. Кузьменко Б. Корупція та економічна злочинність у сучасній Україні: вплив на національну безпеку держави // Право України. 1997. № 7. С. 12–14.

Аннотация

Дрёмил В.П. Деинституционализация и криминализация власти как факторы делигитимации современного государства. — Статья.

В статье рассматриваются процессы деинституционализации и криминализации власти. Обосновывается вывод, что криминализация украинского общества и органов власти приводит к утрате легитимности базовых государственных институтов. Проникновение преступности во власть, присвоение ею функций государства создают реальные угрозы национальной безопасности. Государство обязано обеспечить отделение бизнеса от власти, не допустить проникновения криминалитета во власть.

Ключевые слова: преступность, деинституционализация, криминализация власти, легитимность государственных органов, противодействие преступности.

Анотація

Дрёмил В. М. Деінституціоналізація і криміналізація влади як фактори делігітимації сучасної держави. — Стаття.

У статті розглядаються процеси деінституціоналізації та криміналізації влади. Обґрунтовується висновок, що криміналізація українського суспільства та органів влади призводить до втрати легітимності базових державних інститутів. Проникнення злочинності у владу, привласнення нею функцій держави створюють реальні загрози національній безпеці. Держава зобов'язана забезпечити відокремлення бізнесу від влади, не допустити проникнення криміналітету у владу.

Ключові слова: злочинність, деінституціоналізація, криміналізація влади, легітимність державних органів, протидія злочинності.

Summary

Dryomin V. N. Public Authority Deinstitutionalization and Criminalization as Factors of a Modern State's Deligitimation. — Article.

The article discusses the processes of public authority deinstitutionalization and the criminalization of power. Arguments are brought for the conclusion that the criminalization of the Ukrainian society and authorities leads to a loss of legitimacy of basic institutions. The penetration of crime into the state power and the appropriation of state functions by the former create a real threat to the national security. The state is obliged to ensure the separation of business from the state power, and to prevent the penetration of criminal elements into public authorities.

Keywords: crime, deinstitutionalization, criminalization of power, the legitimacy of public authorities, crime counteraction.

УДК 347.962.2 (477)

М. Г. Мельник

ЗМІСТ КАТЕГОРІЇ «КАДРОВЕ ЗАБЕЗПЕЧЕННЯ» ЩОДО ДІЯЛЬНОСТІ СУДІВ: ТЕОРЕТИЧНІ ПІДХОДИ ДО ВИЗНАЧЕННЯ

Розбудова в Україні дієвої, ефективної судової системи безпосередньо пов'язана із формуванням високопрофесійного суддівського корпусу, що, у свою чергу, означає розробку теоретико-прикладної моделі кадрового забезпечення діяльності судів. Основу такої моделі має складати категоріально-понятійний апарат, заснований на аналітичному опрацюванні існуючого наукового доробку. Необхідно також враховувати специфіку судової системи, яка впливає на встановлення процедур підбору, добору, підвищення кваліфікації та службової